

СТАРАЯ ГВАРДИЯ, НОВАЯ ГВАРДИЯ ИЛИ НАРОД У ВОРОТ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИИ В СССР*

Маркус Редикер

(Джорджтаунский ун-т, США)

Международная конференция американистов "Новые подходы к изучению американской истории" состоялась в Москве 19–21 марта 1991 г. Ее спонсором выступил Институт всеобщей истории Академии наук СССР. В работе форума приняли участие 130 ученых, в том числе 14 из США, 3 из Германии, 2 из Великобритании, 1 из Чехословакии, остальные из СССР. Страну-организатора представляли наиболее известные американисты – Н.Н. Болховитинов, И.П. Дементьев, В.Л. Мальков, Г.П. Севостьянов, В.В. Согрин, В.А. Тишков, Е.Ф. Язков. Конференция по замыслу организаторов должна была стать главным событием для всего советского исторического сообщества¹. За плечами историков в СССР – нелегкий опыт, сам по себе представляющий исторический интерес.

Многие годы государство жестко контролировало тематику исследований, оставляя лишь узкий круг подлежащих изучению проблем. При этом исторические обобщения должны были работать на общепринятый на официальном уровне "образ врага". Кроме того, вплоть до недавнего времени большинство советских специалистов практически не имели доступа к американским архивам или опубликованным первоисточникам. Как писал Н.Н. Болховитинов, даже среди историков, посещавших США с целью научной работы, "редкое исключение составляют те, чьи исследования основываются на серьезном и всеобъемлющем изучении архивных материалов"². Наконец, в советской историографии не было настоящих дискуссий по проблемам американской истории. Как сказал бы Карл Маркс, не было антагонистических противоречий в подходах. На деле это означало – никакого творчества, прогресса, одна стагнация.

Целью организаторов конференции было изменить эту ситуацию, наладить контакты с коллегами, распространить информацию о новейших научных достижениях. Кроме того, они выразили надежду на осуществление совместных проектов, таких, как переводы и двухсторонние публикации архивных документов. Предполагалось, что этой же цели послужит первое в своем роде издание в СССР докладов западных участников конференции. Одновременно оно вписалось бы в тот издательский процесс, благодаря которому советские читатели смогли бы познакомиться с книгами видных американских историков.

Сокращенный перевод М.А. Власовой.

* *Rediker M. The Old Guard, the New Guard, and the People at the Gates: New Approaches to the Study of American History in the USSR // The William and Mary Quarterly. 3rd Ser. 1991. Vol. 48. Oct. P. 580–597.*

¹ С советской стороны в конференции участвовали представители не всех направлений американистики, насчитывающей в масштабе страны несколько сот докторов и кандидатов наук. Наиболее заметным было отсутствие специалистов по рабочей истории. Число женщин-участниц (8 из 47 советских и 1 из 20 западных) также явно не соответствовало их реальному числу среди историков.

² *Bolkhovitinov N.N. Professionalism and Perestroika in Historical Science // Soviet Studies in History. 1989. Vol. 27. P. 71.*

Во всем мире дискуссии на исторические сюжеты – это прежде всего политические дискуссии. Но в СССР эта истина очевидна, как нигде. Организаторы конференции, признавая тесную связь политики и истории, выбрали однозначно политическую тему и сознательно попытались использовать “гласность” и “перестройку” для поисков новых подходов к американской истории. Очень важно подчеркнуть, что форум проходил в обстановке массовых оппозиционных движений и небывалого за последние годы общественного интереса к истории.

Политическая жизнь, бурлившая за пределами Академии наук, оказывала огромное влияние на ход конференции. В марте в Москве то и дело проходили многочисленные демонстрации, участники которых протесовали против курса президента М. Горбачева и одобряли лозунги движения Демократическая Россия. 4 марта началась забастовка шахтеров, и в город прибыли представители бастовавшего Кузбасса. Тогда же, возможно, впервые с 20-х годов в столице соборались для обсуждения своих проблем представители женских организаций всей страны.

Массовая активность, несколько лет назад сводившаяся к случайным выступлениям борцов за мир, теперь значительно усилилась. Разного рода споры, столкновения мнений, как внутри академического мира, так и за его пределами, не могли не влиять на участников дискуссии вокруг новых подходов к американской истории.

Член-корреспондент АН СССР, заведующий отделом истории США и Канады Института всеобщей истории, главный организатор конференции и ведущий в СССР специалист по истории США Н.Н. Болховитинов своим докладом “Советская американистика: старые догмы и новые подходы”³, сделанным в день открытия конференции, задал тон всей последующей работе. Он призвал к коренному пересмотру советских концепций, а по существу начал либеральное наступление на устаревшие ортодоксии, эмоционально поведав о том вреде, который нанес научной работе догматизма. Он говорил о необходимости ослабить акцент на такие понятия, как “эксплуатация” и “страдания” коренного населения Америки и афро-американцев. Настойчивость, с которой в СССР муссировалась тема американского империализма и экспансионизма, Н.Н. Болховитинов назвал “утомительной”, а использование выражений типа “буржуазная фальсификация”, “диктатура монополистического капитала”, “кризис капитализма” подверг резкой критике. Все эти клише, утверждал Н.Н. Болховитинов, продуцировались пропагандистской машиной периода “холодной войны”. Изображение американской истории исключительно в мрачных тонах было необходимо прежде всего для того, чтобы устрашать и тем самым дисциплинировать советский народ. По большому счету, по мнению докладчика, Советский Союз должен перестать винить США во всех своих бедах.

Н.Н. Болховитинов убеждал советских историков отказаться от этих надоевших идей и устремиться в другом направлении с тем, чтобы заполнить “белые страницы”, посвятив свои исследования таким сюжетам, как американский индивидуализм, свобода предпринимательства, технологические открытия и новации. “Собственность” и “права собственности” являются оплотом свободы в США и, как считает автор, должны играть такую же роль в жизни советского общества. Он подчеркнул также, что необходимо утвердить “общечеловеческие ценности” и создать “правовое государство”. И то и другое, по его мнению, в США гарантирует конституция. Этот документ вопреки утверждениям советских историков (испытывавших влияние американских прогрессистов) служил не только интересам узкой элиты, но и значительных масс американцев. Н.Н. Болховитинов отметил, сколь важно использовать в работе советских американистов новые методы исследования, оригинальные идеи и обеспечить доступ к новым источникам⁴.

Несмотря на то что я не согласен ни с аргументацией Н.Н. Болховитинова ни с его предложениями относительно тематики будущих исследований, я восхищаюсь смелостью и прямотой, с которой они были выдвинуты. Не могу найти лучшего способа выразить свое восхищение, нежели сравнить выступление Н.Н. Болховитинова с выступлением У.Э. Уильям-

³ Доклад опубликован. См.: *Вопр. истории*. 1991. № 7/8. С. 3–12. – *Примеч. переводчика*.

⁴ Хотя некоторые идеи Н.Н. Болховитинова кажутся консервативными, подчеркну: он всегда высоко оценивал работы “новых левых” историков, таких, как Мишель Меррилл, Гери Нэш, Маркус Редикер и др. См.: Болховитинов Н.Н. Новые тенденции в историографии ранней американской истории // *Новая и новейшая история*. 1986. № 3. С. 173–177.

са, который много лет назад призвал американских историков отказаться от догматического национализма, приступая к изучению такого явления, как "холодная война".

Сама обстановка, в которой выступал Н.Н. Болховитинов, придает особый смысл его словам. Ведь отдел, занимающийся историей США, был создан в рамках Академии наук в 1953 г., причем с чисто политическими целями.

Н.Н. Болховитинов не только призывал к переменам, но и предостерегал против поспешности в выработке американистами "нового мышления". Он убеждал коллег не отбрасывать второпях принцип классового анализа. Обеспокоенный тем, что теперь США более, чем когда-либо в Советском Союзе, идеализируются, докладчик указал на опасную тенденцию при пересмотре оценок всего лишь "менять плюсы на минусы", черную краску на белую. Выработывая новые подходы, по мнению Н.Н. Болховитинова, опасно ограничиваться всего лишь конъюнктурным выворачиванием наизнанку старых догм. В итоге может получиться не менее политизированная история, а ученые вновь попадут в интеллектуальную зависимость от правящего режима. Как показал дальнейший ход конференции, все эти предостережения были не напрасны.

Джесси Лемиш (ун-т г. Нью-Йорка) продолжил дискуссию, также обратившись к политическим темам в докладе «Американская история не рассматривается более через "розовые очки": кто одержит победу – капитализм или Наука, которая отделяет истину от власти»⁵. Лемиш похвалил советских историков за те "болезненные, честные и потрясающие начинания", которые характеризуют их последние работы. Он заявил: "После пережитых ужасов и страданий у вас есть что сказать историкам и всему миру. С помощью новой теории и практических исследований вы можете с гордостью вписать в историю борьбы между истиной и властью новую главу, которая послужит маяком для историков всего мира"⁶. Далее Лемиш выразил серьезную озабоченность по поводу недавно появившейся в советской историографии тенденции к презентизму. В качестве аналогии он использовал историографическую ситуацию в США в 1960–1970-е годы, когда радикальные историки слишком явно подчинялись влиянию сиюминутной политической конъюнктуры. Так и советские специалисты грешат "конъюнктурщиной". Лемиш задал вопрос: "После того как вы перестали плыть по коммунистическому течению, не подчинитесь ли теперь другому – антикоммунистическому?"

Одновременно доклад содержал острую критику в адрес тех советских историков, кто разделяет недавно распространившиеся в СССР "мечты о капитализме", и тех, кто насаждает явно "мистическое убеждение", будто рыночная экономика способна принести людям счастье. Лемиш сравнил этих советских коллег с консервативными историками США, которые интерпретируют, например, Американскую революцию как деяние "великих белых мужей" и в то же время отрицают значение в революции "протеста низших классов". Докладчик высказался против "антипопулистского" тона некоторых советских публикаций и в заключение выразил надежду, что советские ученые, занятые поисками новых приоритетов, устоят перед соблазном и не станут воспроизводить устаревшие варианты консенсусных концепций американского прошлого. Типичный для этих концепций фальшивый "розовый" тон восхваления всего американского был порожден все той же "холодной войной", от влияния которой и пытаются отделаться историки в СССР⁷.

⁵ Доклад опубликован. См.: Новая и новейшая история. 1993. № 1. С. 74–85. Комментарии В.В. Согрина, Б.М. Шпотова см.: Там же. № 2, 3. – *Примеч. переводчика.*

⁶ Дж. Лемиш в какой-то степени легендарная личность в советских исторических кругах. Он широко известен как антивоенный активист, а также как инициатор написания истории низов. Его атака бастионов консенсусной историографии периода "холодной войны" означала начало американской "перестройки" в исторической науке. У меня в ходе конференции сложилось впечатление, что, как это ни прискорбно, работы Лемиша более известны в СССР, чем в США. Это касается прежде всего его книги: *On Active Service in War and Peace: Politics and Ideology in the American Historical Profession*. Toronto, 1975.

⁷ В последовавшей за докладами Н.Н. Болховитинова и Дж. Лемиша дискуссии Г.П. Куропятник (Институт всеобщей истории), автор известных и уважаемых трудов по сельскому хозяйству США и Гражданской войне, казался апеллируя к консервативной части аудитории, критиковал Н.Н. Болховитинова за недооценку вклада советских историков в мировую науку и настаивал на более точном анализе причин, по которым они "отклонились от истины".

Следующие дни работы конференции были посвящены обсуждению четырех тем: историография, внешняя политика, Американская революция и формирование припного государства и Русская Аляска⁸. Труды советских коллег по двум первым темам незначительны: некоторые очень высокого уровня, другие низкого. Пожалуй, наиболее оригинальные советские доклады на этой конференции были посвящены проблемам Русской Аляски. Применительно к советской историографии можно сформулировать правило: чем более политизирован предмет исследования и чем ближе изучаемый период к современности, тем сильнее историк был подвержен влиянию господствовавшей идеологии, тем ортодоксальнее и незначительнее результат, т.е. сама написанная история⁹.

Но в наши дни ортодоксальность уходит в прошлое, что, собственно, и отразилось в дискуссиях на внешнеполитические темы, которые всегда привлекали большое внимание советских коллег. О том, что внешняя политика продолжает оставаться "горячей" темой, свидетельствовали выступления нескольких участников высокого академического ранга, с уважением говоривших о старых подходах и призывавших к более "сбалансированным" оценкам. На одном из заседаний молодой советский историк, комментируя проблему интервенции союзников в Россию в 1918–1920 гг., сказал: "В самих действиях союзников было два неудачных момента – они были слишком непродолжительны и не простирались достаточно далеко". Это мнение нашло поддержку аудитории.

Вот такие резкие повороты характерны для дискуссий наших дней. Например, советские исследователи немало времени и энергии потратили на критику идеи американской исключительности в социальном и экономическом развитии, но сейчас многие из них начали говорить об уникальности собственного исторического пути. Поэтому часто выражается сожаление по поводу попыток любой ценой втиснуть историю СССР в рамки западноевропейского процесса.

На нескольких заседаниях обсуждались доклады, сгруппированные вокруг темы "Американская революция и создание правового государства в США". Дискуссии были открытыми и живыми, хотя американские и европейские гости говорили слишком много, а советские участники как радушные хозяева – слишком мало.

На первом из заседаний этой секции были представлены доклады В.В. Согрина (Институт всеобщей истории), редактора официального журнала "Общественные науки", известного специалиста по американской истории, и профессора Х. Диппеля (ун-т Касселя, Германия).

Доклад В.В. Согрина "Консерватизм, либерализм и социальная мысль периода Американской революции" – это пример полуортодоксального варианта "нового мышления" в СССР. Автор попытался представить более систематическую, чем прежде, интерпретацию консерватизма и либерализма, которые, по его мнению, сыграли важнейшую роль в "прогрессивном развитии" американского общества, так как только их динамичное сочетание смогло привести к формированию умеренной социальной демократии и гарантировать непрерывность частной собственности. В.В. Согрин полагает, что недостаточное развитие социалистической мысли в США было обусловлено способностью либерализма играть роль "конструктивной альтернативы".

Выступление В.В. Согрина вызвало некоторую критическую реакцию. С.И. Жук из Днепропетровского университета высказался против явного элитизма интерпретации В.В. Согрина, отметив, что он ничего не сказал ни о социальной мысли простых людей, ни об активном радикальном элементе в идейном спектре революционной Америки.

Х. Диппель обратился к теме, имеющей важное значение для всего революционного и послереволюционного времени. Каковы были взаимоотношения между понятиями народного суверенитета и конституционализма? Как мог суверенный народ препятствовать "вторжению со стороны правителей" и в то же время ограничить собственную власть конституционными средствами? Чтобы ответить на эти вопросы, Диппель сравнил народные

⁸ Тема "Русская Аляска", в терминологии М. Редикера, обсуждалась на секции, посвященной 500-летию открытия Америки Х. Колумбом и истории Русской Америки (250-летию экспедиции В. Беринга – А. Чирикова). – *Примеч. переводчика.*

⁹ *Bolkhovitinov N.N. The Study of United States History in the Soviet Union // American Historical Review. 1969. Vol. 74. P. 1221–1242.*

петиции 1776 г. из Питефилда и Конкорда (Массачусетс) и обнаружил, что революционные установления были близки к требованиям народа в обоих поселениях.

На втором заседании секции обсуждались доклады Эдварда Пессена (ун-т г. Нью-Йорка), Жука и мой. Выступление "Краткие размышления об Американской Конституции" Э. Пессен начал с цитаты из Дж. К. Адамса: у историка "не должно быть родины". Затем последовал анализ антидемократических черт Конституции США (Верховный суд, президентское право вето) и тех ситуаций, в которых президент и правящие круги с легкостью нарушали конституционные ограничения, когда этого требовала необходимость (например, в случае объявления войны). Пессен доказывал, что конституция мало преуспела в ограничении "шокирующего неравенства", расизма, этнической вражды и крайнего национализма, характерных для американской жизни.

Выступление Э. Пессена спровоцировало бурный обмен мнениями, и это явно соответствовало целям самого докладчика. Ожидая большого интереса со стороны советских историков к конституционной проблеме, Пессен отметил, что народы, не имеющие сложившихся конституций, часто воспринимают такие документы как нечто чудовищное. Но некоторые из присутствовавших с огромным энтузиазмом принялись восхвалять Американскую Конституцию и одновременно осуждать коррумпированную судебную систему в СССР и законодательные гарантии руководящей роли одной политической партии.

Конституционализм был предметом дискуссий в диссидентских кругах разного толка — левых, правых и центристских, и теперь интерес к этой теме выплеснулся наружу и широко распространился, ибо многие в СССР по вполне понятным причинам хотели бы с помощью конституции воспрепятствовать формированию правящего класса, не подчиняющегося никаким законам. Кроме того, на заседании секции обсуждался вопрос неконституционных путей ограничения власти государства. Лемиш назвал Статьи конфедерации более широкой, либеральной моделью, альтернативной доминированию "национального" уровня власти.

Доклад С.И. Жука "Ранняя Америка: социокультурная преемственность и прорыв в утопию" был посвящен утопическим традициям американской истории. На множестве примеров из прошлого Европы и Америки начала нового времени Жук продемонстрировал парадокс: многие из тех, кто способствовал формированию капиталистического уклада в Америке, в свое время оставили Старый Свет, чтобы избежать разрушительного воздействия последствий развития того же капитализма. Более, чем кто-либо другой из советских коллег, Жук показал близкое знакомство с новейшими западными работами по социальной и культурной истории. Сделав акцент на истории культуры, он тем самым противопоставил свои выводы преобладающей в советских исследованиях ортодоксии. Не случайно Б.М. Шпотов (Институт всеобщей истории) упрекнул Жука за пренебрежение к экономическим аспектам. Из всех присутствовавших на конференции историков С.И. Жук показался наиболее независимым в идейном плане человеком.

В своем докладе "Моряки, рабы и происхождение Американской революции" я подчеркнул, что восстания наемных работников и других пролетариев в революционную эпоху были так или иначе связаны (это относится, например, к межрасовым конфликтам) и что, взятые в совокупности, они сыграли более значительную роль в генезисе, ходе и результатах революции, чем принято думать. Фокусирование внимания на поведении моряков и рабов помогает, по моему мнению, определить место Американской революции в контексте широких циклов восстаний в XVIII в. в Атлантическом регионе, где складывались важные и глубокие взаимодействия, характерные для народных движений. В.И. Терехов (МГУ) поднял интересный вопрос о соотношении между циклами восстаний и экономических сдвигов (накопления капитала) в Атлантическом мире. После заседания этот историк сказал мне, что американские моряки, предпринимавшие какие-либо совместные действия с африканскими рабами, скорее всего, были пьяны.

Третье заседание секции открылось докладом профессора Дж. П. Грина (Калифорнийский ун-т, Ирвин) "Происхождение американского конституционализма", в котором процесс переноса в колонии обычных прав, их утверждение и защита на местах рассматриваются как динамичный социальный источник формирования конституционного строя.

Профессор Дж.А. Силби (Корнелльский ун-т) выступал по теме "Контур американской политики, 1789–1991". Он предложил новую "модель вырождения" и четырехступенчатую периодизацию истории поведения американского электората, основанную на таких показателях, как уровень участия избирателей в голосовании, тип партийных организа-

ций, методы политических манипуляций правящей элиты и степень мобилизации масс избирателей.

Профессор Т.Дж. Макдональд (Мичиганский ун-т) посвятил свое выступление проблеме государственного строительства. Он попытался ответить на вопрос, как нация с антиэтатистскими идеями смогла создать государство, рассмотрев изменение приоритетов в политической экономике и связанные с этим многочисленные конфликты на местном, штатном и федеральном уровнях.

М.А. Власова (Институт всеобщей истории) высоко оценила результаты работы Силби и Макдональда. Как выпускница Московского государственного университета, она подчеркнула, что сходная проблематика разрабатывается на его историческом факультете, где под талантливым руководством Н.В. Сивачева было начато систематическое изучение американской истории. Упомянув советские публикации по электоральной истории и проблеме государственного строительства, М.А. Власова выразила скептическое отношение к акцентам в них на "господство буржуазии". Как и некоторые коллеги, она заинтересована в более широкой информации о применении на Западе современных методов междисциплинарного, количественного, многофакторного анализа.

Большинство докладов на заключительном пленарном заседании было посвящено современной истории – второй мировой и "холодной" войнам. Выступавшие критиковали крайнюю политизированность работ по этим проблемам с американской и советской стороны, высказывались за рассекречивание архивов СССР. Г.А. Арбатов, директор Института США и Канады, говорил о давно назревшей необходимости "деидеологизировать отношение к американской истории". Директор Института всеобщей истории А.О. Чубарьян завершил работу конференции констатацией горькой истины: советские историки должны коренным образом поменять методику и направление своих исследований, если они хотят "присоединиться к мировому историческому сообществу".

Конференция вызвала возможность свободного обмена мнениями. Задавали тон те историки, кто открыто выступал за реформы (Н.Н. Болховитинов, Г.А. Дубовицкий, С.И. Жук и другие, преимущественно молодежь), их более ортодоксальные и консервативные коллеги занимали оборонительные позиции. Некоторые представители старой гвардии, несогласные с новыми подходами, предпочитали хранить молчание. Авторитет и преимущественные права получают теперь, как кажется, те, кто следует новому "верному курсу", т.е. критикуют старые исторические подходы.

Борьба между консерваторами и реформаторами принимала на конференции неожиданные формы. Однажды переводчица-синхронистка ловко вторглась в дискуссию: в то время как советский докладчик произносил особенно напыщенную фразу в официальном духе, она приостановила перевод и, глубоко вздохнув, продолжила только после того, как сменилась тема. На последнем заседании протест против официозных докладчиков принял еще более своеобразную форму – многие присутствовавшие просто дремали. И чем ортодоксальнее выступление – тем больше спящих. Складывалось впечатление, что все это люди уже не раз слышали.

Похоже, конференция послужит стимулом для дальнейших исследований по ранней американской истории, которые долгое время были обойдены в СССР должным вниманием. Период до 1750 г. мало изучался в советской историографии. Недавно завершенная диссертация С.И. Жука о колониальном Нью-Йорке составляет важное исключение. Историки проявляли интерес к проблемам первоначального накопления и генезиса американского капитализма, но оригинальных трудов на эту тему написано мало.

Тот факт, что на конференции акцентировалось внимание на проблемах, связанных с Американской революцией, отражает недавно проснувшийся к ним интерес. Советские историки писали о буржуазно-демократическом характере революции и ее лидерах, в частности о Дж. Вашингтоне, Т. Джефферсоне, Дж. Мэдисоне и Б. Франклине. Теперь идет речь о расширении подходов к проблеме Американской революции за счет исследований по истории общества и культуры ранней Америки. Г.А. Дубовицкий отметил, что советские историки написали немало книг и статей об отцах-основателях, но среди них нет серьезных работ, посвященных низшим слоям общества и их менталитету. К этому парадоксу мы еще вернемся.

События и дискуссии, происходившие на конференции, можно интерпретировать как часть многосторонней, зачастую противоречивой борьбы. Она разворачивается в академических кругах и в народе, а цель ее – воссоздать гражданское общество, которое в сталин-

ский период было уничтожено подчинением государству. Некоторые историки, в том числе и американисты, пытаются добиться усиления гражданской сферы путем учреждения новых более автономных от государства научных организаций и институтов, новой политической практики и профессиональных стандартов. Призывы к повышению профессионализма имеют политическую подоплеку – они связаны со стремлением отделить общество от государства и восстановить условия, необходимые для независимой политической и интеллектуальной жизни.

Дискуссии на конференции, да и сама американистика тесно связаны с еще одним важным процессом – поисками нового “языка”, на котором можно сформулировать оппозиционные государственному диктату идеи. Одновременно, учитывая размах “уличного протеста”, тот же язык, должен выражать политическую волю и надежды народа. Один из наиболее существенных сдвигов в политической жизни СССР произошел в конце 1987 – начале 1988 г., когда марксистский и социалистический язык оппозиции постсталинскому государству уступил место языку либерального капитализма.

Тот же сдвиг в политической культуре прослеживался и в работе конференции, хотя и в завуалированной форме. Во многих выступлениях сторонников реформ отражалось стремление найти баланс между старым и новым, консервативным, либеральным и радикальным. Частые упоминания о “белых страницах” в истории можно квалифицировать как послушное повторение сказанных М. Горбачевым в 1987 г. слов о необходимости заполнить все пробелы в истории и литературе, порожденные идеологическими причинами. Еще две фразы постоянно звучали на конференции – “общечеловеческие ценности” и “правовое государство”. Они были в обиходе в диссидентских кругах до того момента, как Горбачев и партия взяли их на свое вооружение.

Понятие “общечеловеческие ценности” было сформулировано в ходе международного движения за права человека как оружие против репрессивного законодательства и практики в Восточной Европе, СССР и по всему миру. Его первоначальное значение в Советском Союзе использовалось в противовес догме “классовых ценностей” и официальной идеологии, которая цинично оправдывала репрессии призывами к классовой морали. Таким образом, выражение “общечеловеческие ценности” можно считать антисталинистским, но одновременно и элитарным, антипопулистским и антирадикальным.

Такая же двусмысленность присуща и концепции правового государства, которая выросла из призывов диссидентов к установлению народного контроля над жестоким сталинским режимом. В октябре 1988 г. этот лозунг приобрел новое значение в связи с тем, что было принято законодательство, обеспечившее коммунистической партии возможность манипулировать избирательным процессом и поддерживать контроль над Верховным Советом и Советом Национальностей. Одновременно это понятие из лексикона диссидентов взяло на вооружение само государство, развернув в прессе кампанию, призванную объяснить народу необходимость создания правового государства, а на самом деле обосновать тиранию бюрократии и необходимость принять явно антидемократический избирательный закон.

Лозунг о правовом государстве использовался и либеральными интеллектуалами, но совсем по иным причинам. Испугавшись размаха народного движения, уличного протеста, интеллектуалы стали настаивать на точном соблюдении всех законов, что, по их мнению, и представляет кратчайший путь к выработке правового сознания и созданию правового государства. Таким образом лозунг приобрел одновременно и антиконсервативную и антирадикальную, т.е. либеральную, направленность.

На работе конференции сказались не только социальная и политическая напряженность текущего момента, но и очевидное движение от старой официальной истории с ее концепцией классов, империализма и способов производства к либеральному понятийному аппарату, к акцентам на права личности, конституционное правление, экономический рост, рыночные отношения и защиту частной собственности. Голоса либеральных реформаторов новой гвардии доминировали на конференции, хотя трудно определить, многие ли советские американисты разделяют подобные идеи.

Движение к восприятию понятий и идей американского либерализма раскрывает важную специфику постсоветских революций 1989 г. и перемен в СССР: они до сих пор не породили новых идей. В свою очередь, и так называемые новые подходы к американской истории на самом деле не целиком новы. Перенесение на советскую почву идей либерального капитализма, нескритическое отношение к убеждению, что рыночные реформы

естественным образом способствуют демократизации, порождают ряд вопросов. Приложимы ли идеи американского либерализма к условиям страны с совершенно другим историческим опытом и классовой структурой? Пайдутся ли социальная опора для этих идей и возможности для их реализации? Заимствование нового политического языка – опасная игра: восприятие чужой политической традиции, если оно не сопровождается ее переработкой, адаптацией к собственным традициям и условиям, приводит лишь к отстранению от реальных конфликтов в интеллектуальной сфере и потере политических связей с народом.

Проблема реальных политических связей с собственным народом напрямую на конференции не затрагивалась, в то время как события за стенами Академии наук и в сообществе историков свидетельствовали о радикальных переменах. Интерес советских историков к демократии представляется скорее абстрактным. Никто не поднял вопроса о демократизации структуры научных институтов, о практической стороне работы историков, хотя многие, особенно в Академии наук, выдвигают такое требование. Никто опять-таки не предложил демократизировать сам предмет исторических исследований. Именно это сделали “новые левые” историки, а последовавшие перемены в американской историографии были самыми значительными за последние 25 лет.

Конечно, конференция продемонстрировала существенное расширение поля деятельности историков по сравнению с периодом господства насаждаемой государством ортодоксальности. Однако число новых исследовательских направлений явно не соответствует растущему разнообразию массовых политических движений, каждое из которых выступает против государства и официальной интерпретации истории. В такой обстановке могли бы появиться самые разные историографические течения – консервативные, либеральные и радикальные; “красные”, “белые” и “зеленые”, а может быть, и красно-бело-голубые; этнические, националистические и чисто интернациональные. Таким же образом растущая боевитость советского рабочего класса наводит на мысль, что, вероятно, со временем будет сформулирован новый классовый подход, возникает “народная” история, написанная “снизу вверх”. Последнее обстоятельство чревато наиболее далеко идущими последствиями для историков. Это подтверждается, например, высказыванием В.А. Козлова: “По моему мнению, прежняя советская история была историей боссов, написанной боссами. Теперь у нас есть история боссов, написанная для народа, но у нас до сих пор нет истории народа и общества, написанной для народа и общества”¹⁰.

¹⁰ Цит. по: Roundtable, Moscow, January 1989: *Perestroika, History, and Historians* // *Journal of Modern History*. 1990. Vol. 62. P. 822.